

**Н.Л. Виноградова,
Е.Ю. Леонтьева**

Как взвесить интеллектуальный труд ученого-педагога в «науках о духе»

В статье рассматривается актуальный вопрос наукометрической оценки деятельности ученого, в частности ученого, осуществляющего преподавательскую деятельность. Представлено авторское видение в различии наукометрических оценок естественных и социально-гуманитарных наук. Предлагается оценка деятельности ученого-преподавателя по количеству часов, проведенных в аудитории. Делается вывод о необходимости непосредственного общения преподавателя и студента, особенно в «науках о духе».

Ключевые слова: наукометрия; социально-гуманитарная наука; духовная деятельность; непосредственное общение; диалог.

Современный мир четко и жестко ставит требования учета и контроля всякого вида деятельности и ее результатов, причем как материальной, так и духовной. И если в отношении материальной деятельности и ее результатов практика «учета и контроля» имеет длительную историю сформированных и оформленных технологий и средств, то деятельность духовная, не имеющая однозначного и очевидного прикладного характера, гораздо труднее поддается всякого вида стандартизации. Данное утверждение прежде всего относится к наукам социально-гуманитарного профиля как более субъективным и личностно ориентированным видам деятельности. Именно к такого вида духовной деятельности можно отнести науку, в которую вовлечено большое количество современных ученых, на которую тратится определенное количество бюджетных денег, которые, как известно, «любят счет» — деньги не должны разбазариваться и должны доставаться самым эффективным и результативным исследователям. Под учеными мы в данном случае подразумеваем в основном вузовских преподавателей, вынужденных совмещать преподавание и научную деятельность. Кроме того, необходимо оценивать не только деятельность отдельных ученых, но и научно-педагогических коллективов и целых организаций, также получающих финансирование и работающих в идеале «на конкретный результат». Но что последний, собственно, представляет собой, что является результатом в социально-гуманитарных дисциплинах? Статьи и монографии? Участие в конференциях? Защиты диссертаций учениками? Все перечисленное — действительно исчисляемый результат, который и можно посчитать в науке независимо от ее отрасли и направленности. Однако обозначим другой вопрос — что является

КОНЕЧНЫМ результатом? Для чего, собственно, все эти статьи, монографии, диссертации — кому они нужны и для чего?

Конечная задача любого научного исследования не сводится к удовлетворению любопытства ученого. Подобный подход отражает «исследование ради исследования» и был характерен скорее для ученых до XVII века, периода, когда наука в ее современном смысле заявила о себе. Цель новоевропейской науки состояла в необходимости решения вполне конкретных задач, возникающих вследствие развития новых форм собственности и способа производства. А возможность решения этих задач уже была предопределена всем ходом развития европейской философской и научной мысли, что привело к формированию теоретического естествознания, соединившего математический метод и эксперимент как метод изучения природы. Наука этого периода стремилась «увеличить власть человека над природой», максимально освободив его от зависимости от природных сил. Благодаря науке за весьма короткий промежуток времени человеку удалось буквально «прыгнуть выше собственной головы»: научиться передвигаться быстрее любого из известных животных, летать выше и быстрее птиц, научиться производить и использовать яркий свет ночью, постоянное тепло зимой, иметь обилие пищи и готовить ее в считанные минуты, иметь «кожу» более прочную, чем его собственная, жить значительно дольше, чем это удавалось его предкам. Все, что дали человеку естественные и технические науки, было направлено как на возрастание степени комфорта и свободу от суровых сил внешнего мира, так и на увеличение физической силы и материальных благ, которые оказывались вполне измеряемыми. Именно они были (и остаются) тем самым КОНЕЧНЫМ и весьма осязаемым результатом деятельности ученых. Причем уже в XIX веке стало очевидно, что количество реальных благ и свобод, обретаемых человеком, непосредственно зависит от объемов (и качества, и количества) проводимых научных исследований. При всем присущем человеку критическому отношению к новшествам и нововведениям они неуклонно проникали в его жизнь, облегчая ее, делая комфортнее, лучше. Теории, всегда противостоявшие практическим потребностям и нуждам, воспринимавшиеся как удел далеких от мирских проблем мудрецов и философов, «вдруг» начали не просто решать многочисленные вечные проблемы нехватки ресурсов и материальных благ, но и стали основанием для избавления человечества от множества проблем, связанных с болезнями, продолжительностью жизни и т. д. Теоретизирование, казавшееся в прошлом не имеющим практической значимости, «неожиданно» стало самым практическим и самым значимым. А после того как наука стала и непосредственной производительной силой и мощнейшим социальным институтом, стало возможным взять под контроль и регулировать (финансовой поддержкой или отсутствием таковой) производство, реализацию и воплощение научных идей. Контроль за эффективностью работы ученых стало возможным осуществлять путем постепенного введения самых различных количественных оценок, при помощи которых в начале XXI века отслеживают и публикационную

активность (вот они — статьи, монографии, диссертации), и цитируемость (вот они — ученики) и способность делать открытия (пункты новизны и значимости), и внедрять что-либо новое (практическая реализация).

Однако, если для наук, олицетворяющих собой непосредственную производительную силу (материальных благ и физически более совершенных вещей и предметов), подобный контроль кажется относительно оправданным, но главное — возможным, то в отношении наук социальных и гуманитарных возникает большое количество вопросов. Последние порождаются прежде всего неясностью того, что же является **КОНЕЧНЫМ** результатом (да еще по возможности осязаемым) таких наук, как история, филология, педагогика, социология, политология, а уж что должна производить философия, которая и наукой в строгом смысле слова не является, вообще остается загадкой. Памятуя о функциях перечисленных наук, они все создают (производят, формируют, развивают, вырабатывают, воспитывают и т. д. и т. п.) мировоззрение, индивидуальное и общественное сознание, уровень духовной культуры — все то, что нельзя потрогать и измерить, но чем обладает каждый из нас, и мы в своей совокупности и с чем мы постоянно сталкиваемся независимо от уровня образования и культуры, социального статуса и достатка. На сегодняшний день человечество выработало единственный способ формирования указанных «эфмерных» вещей — через общение, которое реализуется в слове и в совместной деятельности. И вот такие вещи можно поставить на учет и контроль — достаточно формального, но зато исчисляемого в конкретных цифрах показателя. Можно посчитать количество слов (статьи, монографии) и количество произведенных совместных действий (ученики и их защиты). Гораздо сложнее оценить качество (в отличие от качества машины, ткани, композитного материала и т. д.) данных слов и действий. Именно поэтому проблема оценивания, учета и соответственно контроля острейшим образом стоит в социально-гуманитарных науках, к которым в последние годы также активно пытаются применить различные наукометрические показатели.

Изначально «наукометрия» позиционировалась как некий раздел знания, изучающий развитие и эволюционирование науки через систему статистических показателей. Постепенно «наукометрия» переходит в разряд инструментов репрессивного менеджмента и становится контролирующим и направляющим механизмом в руках администрации. Таковым ли должно быть действие наукометрии и какие цели у нее были изначально?

Появился термин впервые в 1969 году в монографии «Наукометрия: Изучение науки как информационного процесса» В.В. Налимова и З.М. Мульченко. Во введении, говоря о моделях развития науки, авторы подчеркивают, что «мы ограничимся рассмотрением лишь одной — информационной модели науки. Нам представляется, что сейчас изучение науки как информационного процесса — одна из самых интересных и важных в теоретическом и практическом отношении задач» [6: с. 8]. Следует обратить внимание, что «информационная модель науки» понимается как «как самоорганизующаяся

система, управляющаяся своими информационными потоками. Развитие науки изучается как развитие ее информационных потоков» [6: с. 6]. В монографии уважаемый авторский коллектив анализирует рост и статистическое содержание информационных потоков, внутренние связи в науке по языку библиографических ссылок, эффективность труда ученого и научного коллектива; исследуются также проблемы цитируемости (на материале аналитической химии) и некоторые другие вопросы. Однако весь этот анализ, приведенные авторами графики и диаграммы опираются на материал естественных наук. Во введении В.В. Налимов обосновывает свое необращение к техническим наукам, говоря, что «техника относится к сфере материальной деятельности человека, которая хотя и опирается на информационные потоки, идущие из науки, но не задается целиком ими». И далее: «развитие техники можно рассматривать как развитие системы, являющейся дочерней по отношению к науке» [6: с. 12]. При этом в монографии нет упоминаний о социально-гуманитарных науках и возможности или невозможности анализа их деятельности при помощи наукометрии. Представляется неоднозначным данный факт: или подразумевается тождественное единство всего научного комплекса, или социально-гуманитарные науки в принципе не рассматриваются отечественными корифеями наукометрии как объект приложения.

Вместе с тем В. В. Налимов неоднократно подчеркивает, что суть и сущность наукометрии не сводится к статистическому подсчету количества статей, монографий и прочей печатной продукции, производимой учеными. «В литературе не раз высказывалось предостережение против вульгарного применения показателя цитируемости для оценки эффективности труда отдельных ученых. Здесь еще раз хочется подчеркнуть, что количественные оценки должны всегда подвергаться дополнительному смысловому анализу... будет катастрофически плохо, если плановые отделы или отделы кадров наших учреждений начнут делать вульгарные оценки по уровню цитируемости» [6: с. 125]. Он пишет, что «еще... Дж. Бернал отмечал, что оценка деятельности ученых по суммарному числу публикаций приносит большой вред науке. Ученые всеми силами стараются напечатать как можно больше работ. Научные журналы оказываются засоренными посредственными, часто незрелыми публикациями» [6: с. 116]. К сожалению, именно количественные показатели преобладают в современной оценке научной деятельности. Но если в отношении наук естественных и технических это можно обосновать исчислимостью КОНЕЧНОГО результата, то в отношении наук социально-гуманитарных вопросы только усугубляются.

Возможен ли вообще количественный показатель в оценке деятельности гуманитариев? Можно вспомнить Сократа, который, как известно, не имел рукописей и не оставил трудов, но был цитируем, имел множество учеников и повлиял не только на мировоззрение своих современников, но и на мышление людей, живших и живущих сотни и тысячи лет спустя. Однако критерии далекого прошлого неприменимы сегодня, объективно времена изменились. Дерек Прайс в своем труде «Малая наука, большая наука» [8] убедительно показал, что это был этап

«малой науки» и соответственно ее критерии не применимы к «науке большой». Мы живем в эпоху «большой науки» и реализуется она в вузах и научно-исследовательских институтах. Сотрудники первых — в основном профессорско-преподавательский состав (ППС) и некоторое количество научных сотрудников. Во вторых — научные сотрудники, зачастую выполняющие преподавательские функции. Обратимся к первым. Преподаватели призваны и развивать и обогащать науку, заняты в учебном процессе и имеют весь спектр обязательств по публикациям, конференциям, грантам, статьям и т. п. М. Шестакова справедливо замечает: «Учитывая весь набор функциональных обязанностей ППС, охватывающих как научную, так и педагогическую деятельность, можно сказать, что рост числа статей — критерий неоднозначный. Он односторонне отражает научную деятельность ППС. Кроме того, бурный рост числа публикаций может свидетельствовать об обратном. Например, о снижении качества преподавания или о ненадлежащем выполнении других обязанностей» [9: с. 65]. Как же должен оцениваться преподаватель? Что для него важнее? Регулярно публиковать свои многочисленные, зачастую копирующие друг друга статьи, вписываться в соавторы к кому-либо, повышать индекс цитирования, обязав аспирантов в своих работах упоминать к месту и не к месту его статьи или проводить лекции, занятия, плотно общаться со студентами, разбирать с ними различные непростые социальные ситуации и т. п.? Статьи, написанные ради рейтинга, не нужны никому, они не способствуют развитию научного знания, прогрессу, формированию необходимых качеств обучающихся. «Специфика вузовской науки и проблема совмещения педагогической и научной работы — это те вопросы, которые необходимо прояснить, чтобы адекватно оценивать деятельность ППС и научных сотрудников» [9: с. 65], — справедливо отмечает М. Шестакова.

По нашему мнению, преподаватель только в *непосредственном общении* со студентами должен и может и обучать, и формировать мировоззренческие принципы настоящего специалиста: ответственность, целеустремленность, умение сделать правильный выбор, патриотизм и т. п. [3]. Но как «посчитать» данные навыки и умения, переданные или не переданные преподавателем своим ученикам? Ключевым словом здесь является «общение». Только через непосредственное взаимодействие и диалог, через личность учителя можно воспитать специалиста, профессионала, тем более творца. Соответственно, формальным показателем рейтинга для ППС можно считать количество аудиторных часов. Это количество часов, проведенных преподавателем в аудитории: чтение лекций, проведение семинаров, коллоквиумов, практических и лабораторных занятий, зачетов и экзаменов — т. е. все виды деятельности, в которых реализуется непосредственное общение участников диалога. В рейтинг можно не включать внеаудиторную работу (проверку письменных работ студентов, тес-тирование и т. п.), не исключая ее из общей рабочей нагрузки преподавателя.

В социально-гуманитарных науках общение преподавателя со студентом позволяет неформально передавать опыт, жизненные установки, ценностные ориентации и т. п. Общение не менее ценно и в других отраслях знания — будь

то техническое или естественнонаучное, но результат этого общения можно в конечном счете материализовать (о чем мы писали выше). Социально-гуманитарное знание такой материализации и физического воплощения не имеет. На ценность личностного общения указывал и Майкл Полани, обращая внимание на то, что любое знание является личностным и основывается на индивидуальных суждениях [7]. Философ справедливо, на наш взгляд, считал, что «мы полагаем больше, чем можем доказать, и знаем больше, чем можем выразить словами» [7]. Это отчасти созвучно пониманию знания и роли учителя в восточной культуре, где слово не является тем спасательным кругом, который вытаскивает из океана действительности необходимые знания и умения. А Лао Цзы в свое время писал о том, что «...мудрый живет себе спокойно, свободный от необходимости заниматься делами, действуя, руководствуется «знанием без слов» [4]. Свои идеи восточные мудрецы излагают не в форме строгих логических построений и научных гипотез. Это скорее язык образов, нередко притчи, беседы, сказания, порой просто совместная деятельность и времяпрепровождение, позволяющие «познать вещи напрямую». Последние способствуют передаче не четко структурированного и вербализованного логического знания, а некоторого его образа, помогают вжиться в предмет, слиться с ним и тем самым познать его. Передаваемое знание, следовательно, отражает не просто мир, существующий вне человека, которого интересуют науки технические и естественные, а собственно бытие человека в мире, когда человек вписывается в мир и мир в человека [5].

Более чем актуальным и востребованным подобное живое общение и его последствия становятся для нового поколения «аборигенов цифровой эры». Уже приходят в аудиторию студенты, которые не мыслят мира без «цифры», без экрана монитора (маленького или большого), без постоянного (но при этом не живого, а виртуального) общения. Это другие дети и другие студенты. Но при этом они нуждаются в живом общении и словах настоящего учителя, они испытывают дефицит в совместном времяпрепровождении и деятельности, которые и позволяют познавать вещи напрямую. При этом для такого студента неактуальны набирающие популярность лекции с использованием презентаций и других видов визуализации (кроме, разумеется, графической информации в виде таблиц, графиков, диаграмм и пр.). Подобные картинки с обилием информации окружают его повсюду и они способствуют в большей степени формированию клипового мышления, уводя аудиторию от непосредственного общения. Современный студент не страдает от недостатка визуальной информации, в том числе и полезной. Он погружен в мир информационных картинок, мир чистой информации, которая постоянно прорывается в его сознание. Но вот способно ли его сознание воспринимать и перерабатывать эту информацию, усваивать и интериоризировать ее? К подобной работе сознание и мышление не просто должно быть готово и пассивно способно, оно должно прилагать усилия, трудиться, напрягаться, страдать, не понимая, и радоваться преодолениям. Все это — следствие актуального общения и взаимодействия с другими людьми, что и позволяет развивать мировоззрение, воспитывать духовную культуру, формировать собственно человека.

Нам могут возразить, что преподаватель может находиться в аудитории, но занятие будет проходить неинтересно, вяло, студенты по заданию будут переписывать учебник или писать под диктовку, какое же это общение? Да, но и статьи не все замечательные и интересные, не все несут передовые взгляды и новационные утверждения. Для отслеживания качества работы преподавателя в аудитории есть два варианта контроля: во-первых, открытые занятия, во-вторых, рейтинг востребованности курса преподавателя у студентов. Периодический контроль и экспертная оценка занятий может проводиться один раз в семестр (по всем видам аудиторных занятий), необходимо делать их открытыми, приглашать специалистов, коллег и администрацию вуза. Возможны не обговоренные заранее проверки качества проводимых занятий, что позволит более объективно оценивать их повседневное качество. Второй вид контроля, на наш взгляд, более действенный и широко применяемый в западных ведущих университетах, — это отслеживание количества студентов регулярно посещающих того или иного преподавателя, записывающихся на предлагаемые курсы. Последнее особенно важно: студенты должны иметь альтернативу, т. е. выбор, к какому преподавателю на данный предмет идти. Лектор, проводящий занятия интересно, не по учебникам (которые сейчас абсолютно доступны), излагающий свое собственное видение и решение проблем, обладающий харизмой преподавателя и ученого, умеющий показать связь своего предмета с будущей профессией студента и дающий для подготовки интересные творческие задания и т. п., пользуется большей популярностью и, соответственно, будет иметь больший рейтинг (исчисляемый от количества студентов, выбравших занятия именно этого преподавателя). Это еще одно противоречие в рамках нынешней системы образования и науки: рейтинг и наукометрию мы заимствуем, ориентируясь на Запад, однако естественная и распространенная там же система выбора дисциплин и лектора самим студентом, имеющим возможность построить собственную траекторию обучения, у нас не приживается и не используется.

Мы настаиваем на несомненной и однозначной важности непосредственного общения, живого диалога, без которого невозможно сформировать творческого профессионала. Проблема наукометрии достаточно однозначно выходит на проблему традиционного и новационного в научном сообществе и в итоге на проблему творчества. «Наукометрия из средства, и очень важного средства, помогающего учёным ориентироваться в море информации, превращается, благодаря чиновникам, в свою противоположность, убивающую творчество, не различающую специфику творческой работы в разных науках»¹.

¹ Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ об особенностях оценки научной работы в гуманитарных науках и комментариев к заявлению от чл.-корр. РАН, декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.В. Миронова. URL: <http://socrat-online.ru/page/zajavlenie-soveta-po-nauke-pri-ministerstve-obrazovanija-i-nauki-rf-ob-osobennostjahren-ocenki-nauchnoj-raboty-v-gumanitarnyh-naukah-istoricheskie-nauki-iskusstvovedenie-filologicheskie-nauki-kulturologija-i-filosofija-31032016-i-kommentarij-k-nemu-ot-ot-chl>.

Проблема в том, что истинно новационная идея, высказанная в статье или монографии, чаще всего не найдет многочисленных откликов, так как нуждается в оппонентах, ведущих диалог. Чтобы создавать что-то радикально новое необходимо хотя бы частично осознать это новое, недаром творчество часто воспринимается как совместный процесс творца и социального окружения. Рассуждая о природе творчества, Н.А. Бердяев писал: «Творчество по метафизической своей природе есть всегда творчество из ничего, то есть из меонической свободы, предшествующей самому миротворению... В творческий замысел всегда проникает элемент первоначальной свободы, свободы ничто... Абсолютно новое в мире возникает лишь через творчество» [2: с. 45].

Г.С. Батищев, анализируя феномен творчества, определяет его как креативное деяние. «Креативное отношение есть отношение субъекта к миру как к миру проблем-загадок, а главное — такое отношение, в которое он вступает не только своими допороговыми содержаниями и достояниями, но также и запороговыми. А это возможно только благодаря тому, что креативность отнюдь не “монологична”, не моносубъектна, как бы социально и исторически ни был опосредован сам субъект, но по сути своей междусубъектна» [1: с. 29]. Иными словами, реализуется во взаимодействии, общении, диалоге.

Необходимо отметить, что проблема научного творчества приобретает в наукометрии особую актуальность. Общество на каждом этапе своего развития нуждается в личностях-творцах, определяющих духовный и интеллектуальный потенциал науки. Но творцы не всегда бывают поняты сразу и однозначно, им нужен диалог, общение с себе подобными. Соответственно, для данного случая наукометрическим показателем может стать число конференций, где принял участие научный сотрудник или преподаватель. Следует обратить внимание, что учитывать стоит только научные мероприятия, где участник реализовал принцип непосредственного, «живого» участия, доложил свой материал и участвовал в диалоге.

Литература

1. *Батищев Г.С.* Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 109–129.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
3. *Виноградова Н.Л.* Диалогическое взаимодействие и социальное пространство: монография. Волгоград: РПК «Политехник», 2006. 170 с.
4. *Лао Цзы.* Книга о пути и силе / перевод и комментарий А. Кувшинова. Новосибирск: Вико, 1992. 56 с.
5. *Леонтьева Е.Ю.* Мир рациональности в мире человека (логико-методологический и социально-эпистемологический анализ): монография. Волгоград: РПК «Политехник», 2001. 161 с.
6. *Налимов В.В., Мультченко З.М.* Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука. 1969. 162 с.
7. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии М.: Прогресс. 1985. 344 с.

8. Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М.: Прогресс, 1966. С. 281–384.

9. Шестакова М.А. Наукометрия и ключевые проблемы социально-гуманитарных наук в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 6. С. 61–66.

Literatura

1. Batishhev G.S. Osobennosti kul'tury' glubinnogo obshheniya // Voprosy' filosofii. 1995. № 3. S. 109–129.

2. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody'. Smy'sl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 607 s.

3. Vinogradova N.L. Dialogicheskoe vzaimodejstvie i social'noe prostranstvo: monografiya. Volgograd: RPK «Politexnik», 2006. 170 s.

4. Lao Czu'. Kniga o puti i sile / Pervod i kommentarij A. Kuvshinova. Novosibirsk: Viko, 1992. 56 s.

5. Leont'eva E.Yu. Mir racional'nosti v mire cheloveka (logiko-metodologicheskij i social'no-e'pistemologicheskij analiz): monografiya. Volgograd: RPK «Politexnik», 2001. 161 s.

6. Nalimov V.V., Mul'chenko Z.M. Naukometriya. Izuchenie razvitiya nauki kak informacionnogo processa. M.: Nauka. 1969. 162 s.

7. Polani M. Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii M.: Progress. 1985. 344 s.

8. Prajs D. Malaya nauka, bol'shaya nauka // Nauka o nauke. M.: Progress, 1966. S. 281–384.

9. Shestakova M.A. Naukometriya i klyuchevy'e problemy' social'no-gumanitarny'x nauk v sovremennoj Rossii // E'konomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal. 2015. № 6. S. 61–66.

N.L. Vinogradova,

E.Ju. Leontieva

How to Weigh Intellectual Work of a Teacher-Scientist in the «Human Sciences»

The article discusses the topical issue of the scientometric evaluation of a scientist's activity, particularly a scientist carrying out teaching activities. The authors present their vision in the difference between the scientometric evaluations of natural sciences and social sciences and Humanities. The evaluation of the activity of a teacher-scientist by the number of hours spent in the classroom is proposed. The authors have made a conclusion about the necessity of direct communication between teacher and student, especially in «human sciences».

Keywords: scientometrics; social and humanitarian science; spiritual activities; direct communication; dialogue.